

Отзыв официального оппонента на диссертацию Руслана Васильевича Дмитриева «Эволюционные процессы в системах центральных мест», представленную на соискание ученой степени доктора географических наук по специальности 1.6.13 – Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география

Представленная работа выглядит довольно странно для докторской диссертации по географии – в ней нет ни одной географической карты (причем мне как читателю их не хватало для оценки адекватности представленного анализа), а сам текст весьма лаконичен (223 страницы, причем за вычетом библиографии и полупустых листов – 196 страниц, т.е. упрек в отсутствии достаточных эмпирических иллюстраций нельзя отвергнуть нехваткой объема). Однако моя задача как оппонента, столкнувшегося с необычным форматом научной работы, упрощается необходимостью следовать соответствующим пунктам постановления Правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней», т.е. оценить 1) актуальность избранной темы, 2) степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, 3) их достоверность и новизну. Кроме того, с учетом очевидной принадлежности работы к теоретической географии оценить, является ли рецензируемый труд научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение.

1. На мой взгляд, актуальность выбранной темы диссертации не вызывает сомнений. Экономической и социальной географии по-прежнему не хватает разработанного концептуального инструментария, так что попытка диссертанта развить один из самых знаменитых теоретических подходов географии в XX в. – теорию центральных мест – вызывает похвалу. При этом география населения в силу постоянно продолжающихся

демографических изменений и растущих миграционных потоков бесспорно выиграет от получения новых теоретических выводов, связанных с анализом систем расселения и их эволюции.

2. Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций в представленной диссертации оценить сложнее. С одной стороны, исследование опирается на более чем две сотни научных работ по теории центральных мест, ее критике и корректировке – не забыт, похоже, ни один известный представитель этого направления ни среди отечественных, ни среди зарубежных географов. Более того, работа заполнена «до краев» математическими моделями и абстрактными схемами, иллюстрирующими выводы автора относительно развития теории центральных мест.

С другой стороны, мне не хватило нескольких базовых вещей. Во-первых, что понимается под городом и как оцениваются его границы (что важно для оценки численности его населения и всех последующих расчетов)? Во-вторых, почему выбраны примеры преимущественно «экзотических» стран, с эмпирическим материалом которых слабо знакомы (что уж тут скрывать) большинство российских специалистов? Лесото, да и Йемен вряд ли можно считать лучшими иллюстрациями для доказательства теоретических выкладок. При этом почему-то для каждого случая выбирался пример только какой-то одной страны вместо двух-трех. В-третьих, можно ли абстрагироваться от реальной географической картины системы расселения до такой степени, что уже не важно, какую фактическую роль играют центральные места в изучаемой системе расселения и какие города не могут рассматриваться в качестве однозначно принадлежащих именно данной системе расселения.

Начну с последнего. В моем представлении теоретическая модель должна быть упрощением действительности, позволяющим понять суть явлений, а не абстракцией, искажающей действительность или вообще к ней не имеющей отношения. В этой связи я не понял смысла параграфа 1.3,

уводящего читателя из географии в математику, физику и философию, равно как и не принял восторгов диссертанта в отношении непревзойденности теории центральных мест на с. 17. Если говорить о допущениях в части бесконечности и однородности пространства для географических теорий, то речь должна идти, на мой взгляд, без всяких глубоких экскурсов в физику лишь о необходимости пренебречь пограничными эффектами и абстрагироваться в упрощенной модели от влияния рельефа, рек и т.п. Уникальность теории центральных мест также не стоит преувеличивать – для начала диссертанту стоило бы вспомнить работу Чарльза Х. Кули 1894 г., где представлена теория местоположения городов, весьма правдоподобно объясняющая само зарождение городов: «население и богатство имеют тенденцию скапливаться там, где есть разрыв в транспортировке». Иначе говоря, теория центральных мест вторична, объясняя «упаковку» поселений в компактные решетки по мере возрастания числа свойственных центральным местам функций. Вместе с тем первично центральные места возникают наряду с военными укреплениями (а также случайными решениями колонистов либо действительно выбором центральной позиции в однородной географической среде) главным образом в местах механических и коммерческих разрывов в транспортировке, порождая хранение и обмен, а также другие функции, нетипичные для остальных поселений.

Что касается выбора стран для примеров, то они часто плохо обоснованы и демонстрируют слабое владение диссертантом реальными знаниями об Африке и Ближнем Востоке. Приведу в качестве примера анализ Лесото, которому посвящено около 15% текста автореферата (хотя в самой диссертации этой стране отведено примерно 5% объема). Автор нигде в диссертации не указывает на этот факт, но из 12 рассмотренных городов 10 являются столицами (capetown) имеющихся в стране округов (districts). Кстати, как тут быть с $K=7$ решетки Кристаллера, если помимо столицы Масеру речь идет не о 7, а о 9 административных центрах второго уровня?

При этом не входящий в число административных центров 2-й по людности в стране город Мапуцоз (округ Лерибе) отделен лишь рекой от основанного еще в XIX в. города Фиксбург в ЮАР, причем напомним, что 2/3 (ба)суто живут за пределами Лесото, т.е. эту страну нельзя рассматривать как изолированную в системе расселения. Обоснованно ли вообще говорить, что система городов Лесото развивается по административному принципу? И почему тогда на основе текущей людности именно расположенный вблизи столицы Теятеяненг, а также Цгачаснек, Тхаба-Цека и Мокхотлонг считаются диссертантом менее значимыми административными центрами? Если Тхаба-Цека действительно отпочковался в 1970-е годы от округа Масеру, то Цгачаснек и Мокхотлонг – реальные центры расположенных на востоке относительно малонаселенных округов (см. рисунок). Учитывая взрывную урбанизацию в Лесото, речь идет скорее о «рыночной решетке», т.е. $K=3$, причем не исключено вовлечение территории ЮАР, где живут (ба)суто и зулу. Почему вообще диссертант проигнорировал факт, что некоторые города Лесото тяготеют к границе с ЮАР, а значительная часть их жителей работает в соседней стране (зато во времена апартхейда в Лесото, напротив, переезжали (ба)суто из ЮАР)?

Нельзя не отметить и тот факт, что в Лесото на самом деле 15 городов. Кстати, самый маленький городок из приведенных диссертантом – Семонконг не является столицей округа и выделяется в качестве города далеко не во всех статистических публикациях Лесото. Означает ли это, что все остальные поселения Лесото – деревни? Если говорить о функциях поселений, то Национальный университет Лесото с более чем 9 тыс. студентов, библиотекой и госпиталем находится в населенном пункте Рома, который является одним из ведущих образовательных центров страны еще с 1940-х годов, так что ученым следовало бы относить его к городам. Судя по приведенным в диссертации данным Масеру рассматривается отдельно, т.е. без относимых с 1970-х годов к его городской агломерации городам Рома и Мориджа. Вместе с Пека из округа Лерибе они как раз и формировали при переписи 1976 г. список из 14 городов, о которых вскользь упоминает диссертант на с. 163 (но Семонконг городом тогда не считали, т.е. в разное время в Лесото было 15 городов). При этом в момент независимости было лишь 12 городов, т.к. Мапуцозэ и Тхаба-Цека не считались городами, не выполняя административных функций (округ Тхаба-Цека создан позднее).

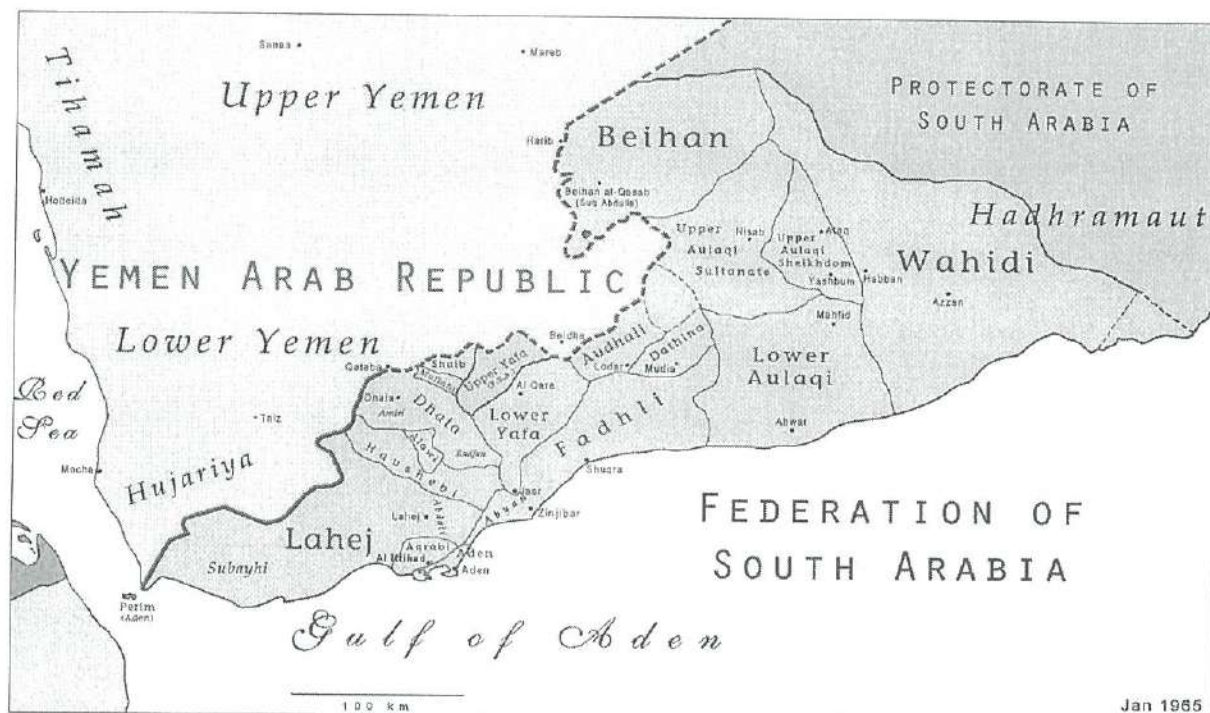
Неудачен выбор Лесото (а не каких-либо островных государств, например, в Карибском бассейне – хотя бы Ямайки или Кубы) и потому, что городское население страны почти всё пришлое, к тому же часто занимается сельским хозяйством. Так, в 2011 г. оно оценивалось в 448,4 тыс., из которых 30,6% прожили в поселении не более 4 лет, еще 10,5% менее 10 лет. В 2016 г. городское население Лесото оценивалось уже в 643,4 тыс. чел., т.е. свыше 50% проживали в соответствующих центрах менее 10 лет. Почему при этом город Теятеяненг потерял за 5 лет 37,3 тыс. жителей или свыше 60%? Кроме того, диссертанту надо было не ограничиваться популярной брошюрой с итогами переписи, а попытаться вникнуть в суть расхождений в статистике – почему на с. 13 цитируемого документа говорится о 643,4 тыс. горожан, а на с. 2 уже о 685,9 тыс. горожан. Почему в 188-страничном документе о

переписи 2016 г. сообщается также о 685,9 тыс. горожан, а цифра 643,3 тыс. относится лишь к горожанам – гражданам Лесото, которые входят в число внутренних мигрантов (при этом еще 139,1 тыс. жителей страны отнесены к категории peri-urban, а не rural). Но даже при широкой трактовке городского населения уровень урбанизации в Лесото по-прежнему низкий.

В итоге я так и не понял, где и как автору на примере Лесото удалось эмпирически доказать «установленную ранее на теоретическом уровне независимость структуры системы (показателя К) от текущего значения доли городского населения или направления его изменения: при низкой доле городского населения система может иметь достаточно сложную структуру или, наоборот – простую при высоком уровне урбанизированности» (с. 183).

Явно неудачно предпочтение Йемена Германии, по которой детальная статистика по городам имеется минимум за полтора столетия, да и ради уважения к Вальтеру Кристаллеру было бы интересно протестировать теорию центральных мест на современном немецком материале. В итоге верификация авторских изысканий сильно осложняется. Тем не менее утверждение, что в Южном Йемене было в 1973 г. только три города – Аден, Эль-Мукалла и Сайун (с. 170-171), можно опровергнуть, даже не зная арабского языка. Достаточно вспомнить, что в 1967 г. НДРЙ возникла на территории Федерации Южной Аравии – в 1962 г. там было 15 султанатов (эмиратов) со своими столицами, позднее к ним присоединилась королевская колония Аден и султанат Верхний Аулаки. Следует предположить, что хотя бы столицы государств во второй половине XX в. следует считать городами (см. рисунок). Напомню, что диссертант в Лесото для 1960-х годов городами считает все административные центры районов. В ряде султанатов было несколько городов, например, в Фадли – Шукра и Зинджибар. Некоторые из южнойеменских поселений выполняли административные функции десятилетиями (например, Ахвар был главным городом султаната Нижний Аулаки с 1888 по 1967 гг.), а то и столетиями (Лахдж). Стоит вспомнить и о

городском центре архипелага Сокотра. Удивительно, что в диссертации не цитируются работы наших историков Южного Йемена / Хадрамаута, которых довольно много и ими написаны многочисленные книги и статьи об этой стране.

Напротив, в качестве позитивных примеров сочетания теоретического подхода с обоснованием выводов эмпирическими материалами в рассматриваемой диссертации отмечу анализ в главе 4 эволюции систем центральных мест Новой Зеландии и Эстонии. Единственным вопросом остается утверждение на с. 132, что смена лидера системы по численности населения происходит преимущественно на самых ранних этапах развития системы центральных мест. То, что Веллингтон был оттеснен Оклендом (одновременно перехватив у него, однако, статус политической столицы) и в отдельные периоды уступал по людности Данидину и Крайстчерчу, нельзя, на наш взгляд, отнести к «молодости» системы расселения в Новой Зеландии. Достаточно вспомнить Москву и Санкт-Петербург в нашей стране или Фес и Касабланку в Марокко в первой половине XX в.

3. Новизна предложенных для защиты положений не вызывает сомнений. Действительно показано, что релятивистский вариант теории позволяет рассматривать сельские поселения как центральные места. Введена в формальный аппарат теории и динамическая составляющая в виде матриц переходов. Наконец, установлено, что для пребывания системы центральных мест в состоянии изостатического равновесия не обязательно строгое чередование уровней иерархий по численности населения по типу «легкий» – «тяжелый» – «легкий».

Существенным научным выводом, посвященным эволюции иерархической системы городов, является доказательство того, что при прочих равных условиях иерархическая структура строится по Кристаллеру, а не по Зипфу (параграф 3.1 и с. 188). Интуитивно этого следовало ожидать, поскольку теория В. Кристаллера основана на моделировании систем расселения, а правило Зипфа – закономерность, случайно выявленная при учете работы стенографистов, а потом приложенная к разным наукам, включая географию. Однако вклад диссертанта очевиден для дальнейших научных изысканий, если вспомнить, сколько уже «копий сломано» (и написано статей) на ниве анализа распределения людности городов относительно «идеального» распределения по правилу Зипфа.

Наиболее яркое доказательство с помощью математических и иных абстрактных выкладок на базе теории центральных мест представлено для третьего пункта новизны – «численность населения центрального места 1-го уровня не может (кроме некоторых частных случаев) превышать численности населения обслуживаемого им дополняющего района: системы с иными параметрами либо неустойчивы, либо представляют собой части более крупных систем». Действительно, теоретическое доказательство подтверждается потом эмпирически – в мире почти нет сколько-нибудь крупных государств, где главный город концентрирует более 50% населения. Однако описание конкретного примера-исключения Джибути, которое

приводит автор, как и в случае другой африканской страны Лесото, неудачное. Меня не убедило произвольное включение диссертантом Джибути в систему Эфиопии (с. 48), т.к. Джибути с VII в. никогда не был в составе эфиопских государств, а во второй половине XX в. ключевым портом для Эфиопии был Асэб (в Эритрее). Почему-то автор не провел аналогию между Джибути и другим исключением – Сингапуром, каждый из которых лучше описывается цитируемой нами выше теорией местоположения городов Ч.Х. Кули, в которую, на наш взгляд, уже потом вписывается решетка теории центральных мест.

Наконец, не пытаясь вступать в дискуссию с выводами цитируемых в диссертации работ М. Бекманна, Дж. Парра и В.А. Шупера, замечу, что возводимую в главный признак «ранга» городов численность их населения лишь на первый взгляд считать проще, чем набор предоставляемых центральными местами услуг. По факту официальные городские границы (и собираемая в их пределах статистика) могут очень сильно отличаться от реальных пределов городских агломераций. В городе Эль-Кувейт живет больше 50% населения Государства Кувейт, если считать людность агломерации (около 3 млн. чел.), а не юридические границы (60 тыс. чел.). Кроме того, в условиях быстрой урбанизации многие городские районы можно относить к урбанизированным территориям весьма условно, что отражается и на отсутствии в таких городах многих функций центральных мест (упрощая – от миллионного населения трущоб город не станет более значимым центром образования, науки или культуры). Кстати, диссертант вскользь на с. 142-143 сам упоминает, что связь между численностью населения и экономическим развитием далеко не всегда оказывается линейной (и даже положительной). Тем удивительнее, что из этого не делается выводов о нелинейной связи между центральными местами, выделенными по людности поселений, и центральными местами в более понятном смысле – по выполняемым функциям.

Представленные Р.В. Дмитриевым результаты неоднократно докладывались на региональных, всероссийских и международных конференциях. У диссертанта достаточное для представителя естественных наук количество статей в рецензируемых изданиях из перечня ВАК по теме диссертации, а именно 11 работ (в том числе шесть – по различным вопросам теории центральных мест, а четыре – по особенностям системы расселения и урбанизации Индии). Кроме того, он является автором монографии 2014 г. об опорном каркасе в расселении и хозяйстве современной Индии, двух статей в журналах из перечня ВАК по другим специальностям и ряда публикаций в научных сборниках.

Вместе с тем представляются сомнительными прикладные выводы диссертации в рамках пятого, последнего пункта новизны – по Сибири и Дальнему Востоку. Возможно, проблема в том, что они как раз опираются только на людность городов. В частности, зарубежный опыт районов «нового освоения» в работе в принципе более нигде не использован для тестирования теории центральных мест.

Можно привести много доводов, почему теория центральных мест, да еще в столь абстрактном и негеографическом виде представленная в диссертации, не может использоваться для объяснения правомочности включения Республики Бурятия и Забайкальского края в состав Дальневосточного федерального округа. Приведу лишь одно, возможно дискуссионное соображение. Так проще оказывать этим регионам более значительную государственную поддержку, поскольку Дальний Восток в России традиционно получает больше внимания в экономической политике по сравнению с Сибирью – теория центральных мест тут вообще ни при чем. Кроме того, нигде в работе реальные экономические, культурные и политические связи Бурятии и Забайкалья с остальным Дальним Востоком в принципе не рассматриваются.

Подытоживая, отмечу, что представленная диссертация является, на мой взгляд, научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку. Автореферат адекватно отражает диссертацию. При этом обоснованность ряда выводов в диссертации, на мой взгляд, нельзя признать достаточной, что, однако, не исключает присуждения Дмитриеву Руслану Васильевичу искомой степени доктора географических наук по специальности 1.6.13 – экономическая, социальная, политическая и рекреационная география.

Даю согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета, и их дальнейшую обработку.

доктор экономических наук, член-корр. РАН,
директор Института научной информации по общественным наукам РАН
Кузнецов Алексей Владимирович

23 апреля 2022 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Адрес: 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21
Тел.: +7 (499) 124-07-74
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

